

«Главная проблема теперешнего преподавания права — отсутствие содержания»

14.06.2024

ИНТЕРВЬЮ

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Интервью с Вадимом Беловым, доктором юридических наук, профессором кафедры коммерческого права МГУ им. М.В. Ломоносова.

— Что, на ваш взгляд, изменится в профессии юриста через 5–10 лет?

— По сегодняшним меркам 5–10 лет — весьма далекий горизонт, поэтому прогнозировать что-то конкретное — занятие неблагодарное. А если говорить вообще и в принципе, то ответ до обидного прост и очевиден: профессия юриста изменится так, как того потребует общественная жизнь, в первую очередь экономическая и государственная. Это вытекает из того, что право может быть только таким, каково общество, в котором оно применяется и интересам которого служит.

Судьба права и юридической профессии в России незавидна. А может ли быть иначе в обществе, граждане которого, с одной стороны, сокрушаются по поводу поговорки про закон и дышло, а с другой — искренне уверены в том, что закон писан для всех, кроме них самих, их родственников, друзей и знакомых; в государстве, жизненным принципом служителей которого является строчка из анекдота: «Дали пистолет — теперь крутись как хочешь!» и для которых само государство из кормильца превращается в кормушку; в экономике,

регулируемой чиновниками, не создавшими ни единого рабочего места и не продавшими ни одной тонны товара?

Право и все, что с ним связано (научная и практическая юриспруденция, изучение и преподавание права, осуществление, применение, охрана и защита субъективных прав), занимают в современном обществе не самое почетное место. Мало того, действие права ослабляется массой неправовых факторов. Право еще и целенаправленно выхолащивается (когда его применение невыгодно), нарочито извращается (когда авторитетом права прикрывают и освещают разные уродства и мерзости) и даже опошляется (когда его заставляют регулировать такие вещи, которые ему непосильны: от гендерной идентичности до школьных оценок, философских взглядов и даже веры). Вот в каком загоне теперь находится право.

Конечно, право — не самоцель, а лишь средство достижения политических, экономических и прочих целей, но почему то считается, что любых, хотя бы и тех, от которых порой волосы встают дыбом! Куда исчез вопрос социальной ценности права — о том, что делает право правом, то есть о его служении Человечеству и Человечности или, может быть, Государству? А может, право начинается лишь там, где начинается сила или, наоборот, где она заканчивается, заменяясь искусством добра и справедливости, милосердием, служением свободе, рынку, конкуренции?..

Я это говорю не к тому, что в ближайшие 5–10 лет все непременно будет плохо, а к тому, что профессии юриста пока просто незачем кардинально меняться. Даже в том виде, какой она должна была бы иметь, эта профессия свой потенциал еще не задействовала. Да и как она могла его задействовать, если 90% юристов за первые пять лет практики все, чему их учили в университете, накрепко забывают? Кому какое дело до того, какие правоотношения возникли, из какого юридического факта и когда? Начни я это объяснять, так этого не поймет даже судья, а уж о депутате, генерале из Минобороны, чиновнике из ФАС, налоговом инспекторе, следователе, полицейском и, уж конечно, об обычном гражданине и среднем предпринимателе и говорить нечего. Давайте ка лучше проверим по «Гаранту» и

«Консультанту», какие решения выносил такой то судья по интересующей нас категории дел или напишем запрос в налоговую (спросим начальство и т. д.). Как скажут, так и сделаем! Или станем заглядывать в рот клиенту, всяко поддакивая ему и скрупулезно записывая за ним, а после подведем под все его глупости «научную и нормативную правовую базу», в том числе в виде «экспертного заключения», подписанного «авторитетными учеными» и вообще «уважаемыми людьми». В конце концов, можно просто поговорить! Почему бы и нет, если платят деньги, продвигают по карьерной лестнице и награждают именно за это, а не за содержательную профессиональную работу?

Невероятно, конечно, что именно юристы вдруг обратились бы в этиках светочей Прометеев, возжигающих огнем права и правоведения «чистые лампы», способные сперва осветить и озарить то темное царство, какое представляет нынешняя общественная жизнь, а постепенно и вовсе выжечь заполнившую ее скверну. Но я верю и очень надеюсь, что ближайшие 5–10 лет станут эпохой обретения Человечеством себя, возвращения к своей Человеческой природе, эпохой адекватной расстановки приоритетов, содержательного и профессионального подхода к решению глобальных проблем, или, как сейчас говорят, вызовов. Если человечество хотя бы двинется в этом направлении, то для успеха придется задействовать весь известный ему инструментарий, включая и право, которое волей неволей вынуждено будет вернуться к вопросу о мере всех вещей, и юридическую профессию, причем в самом ее что ни есть классическом виде, и правоведение — науку права, и юридическое образование, и юристов.

Ну а дальше одно будет цепляться за другое. Станут юристы вести себя именно как юристы (ценностно ориентированные профессионалы) — что на госслужбе, в суде и в правоохранительных органах, что в частной юридической практике, что в преподавании, что в науке, — так и разного рода неправовых поползновений станет меньше. Ну а те юристы, которые не найдут своего места в праве, его применении, изучении или преподавании, наверное, в течение какого то времени еще смогут оставаться «официантами», «лакеями» и мальчишками на побегушках от юриспруденции (из серии

«Кушать подано!», «Чего изволите?», «Подай принеси!»). Но постепенно они будут выброшены из социального механизма на обочину жизни подобно разрушившимся и отвалившимся деталям машины.

— Как обеспечить взаимодействие судебной системы, правовой науки и юридического образования?

— Взаимодействие систем — только один аспект проблемы и, по моему, не самый главный. Достаточно перестройки хотя бы одной из систем: как только практика предъявит спрос на настоящее право и настоящих юристов, а не на мастеров — умельцев подводить «законное обоснование» под любые, в том числе откровенно неправовые, притязания, системам науки и образования волей неволей придется перестроиться.

Как ни странно, верно и обратное: по мере того как наука и образование создадут более менее массовый корпус тех нормальных, профессиональных и бескомпромиссных юристов, которые постепенно займут должности в правоохранительных и административных органах и судах, хочешь не хочешь, а придется преобразовываться и юристам практикам: их буквоедство и софизм, заклинания недобросовестности противной стороны, а также рассказы о подозреваемых, которые сами себя избивают и душат, больше никто не будет слушать. Практика, наука и образование — этикие сообщающиеся сосуды: всякое изменение в любом из них обязательно отразится на двух других. Так что взаимодействие, о котором вы спрашиваете, есть. Оно существует неизбежно и объективно, не нуждаясь в каком то особом обеспечении.

Нужно другое — возвращение юриста, притом не только профессионала, но Человека с внутренним стержнем, позволяющим свято хранить свое человеческое и профессиональное достоинство. Несколько лет практики начисто вытравливают у большинства юристов то, чему их учили в университете. И не оттого, что память короткая, а оттого, что жить по принципу «подай принеси» куда проще и удобнее, чем оставаться профессионалом. Да, рабочий день заканчивается в 18:00, но... как же соблазнительно демонстрировать верность

делу и лояльность компании, просиживая на работе по 12 часов, а то и ночуя прямо в кабинете на раскладушке! И не потому, что много работы, а потому, что именно так, глядя в рот начальнику и выполняя его указания (пусть и не имеющие ничего общего с правом и юриспруденцией), делать карьеру гораздо проще и быстрее.

— Как сейчас юристы воспринимают свою карьеру?

— Как переход сначала на вышестоящие (помощник, младший юрист, старший юрист, главный юрист) позиции, затем на руководящие (начальник отдела, начальник управления), потом на управленческие (руководитель проекта, руководитель направления проектов), дальше — на позицию партнера, члена правления или совета директоров, и наконец, — на роль кого-то вроде свадебного генерала, президента какого-нибудь общества или президиума, само нахождение рядом с которым уже стоит серьезных денег.

Если коротко, то современная юридическая карьера исключительно вертикальная. Никто не видит проблемы в том, что содержательно она может не иметь никакого отношения к праву и юриспруденции. Скажут юристам: «Идите руководить строительством электростанции!», и 95% юристов пойдут руководить, хотя равным счетом ничего не понимают ни в строительстве, ни в электростанциях. Почему же пойдут? А потому что доросли до начальников очередного уровня, а юридических служб, управлений и отделов на всех не хватает.

Где же карьера горизонтальная, не управленца, а профессионала, карьера собственно юриста, типа «ученик — подмастерье — специалист — мастер — эксперт — «монстр» — гуру — Папиниан»? Нет ее, притом, не только у нас, но и за рубежом. Самые термины для обозначения ступенек этой карьеры, употребленные тут, и то не являются сколько-нибудь общепринятыми. Вот в этом, как мне кажется, — в воспитании юриста, способного сохранить и подать (продать) себя как специалиста, точно знающего, что такое право, кто такой юрист, чем он занимается и зачем нужен, состоит главная проблема. Будет эта проблема решена,

решатся и другие: если не все, то многие.

— Нужно ли сегодня российским юристам зарубежное образование, и, если да, то в чем его польза?

— Наличие любого образования, если оно качественное, — всегда хорошо. Горе от ума бывает только в отношениях человеческих и повседневных, то есть там, где особого образования не требуется. Восточная притча гласит: «Чтобы покупать туфли, не нужно читать умные книги — достаточно иметь ноги и деньги». Это из отношений обыденных. В отношениях же профессиональных я ни разу не сталкивался с тем, чтобы хорошее образование кому-то как-то повредило.

У меня пятеро детей, и каждый из них рано или поздно приходил ко мне и говорил: «Папа, я хочу научиться тому-то и тому-то, вот где я собираюсь учиться, вот сколько это будет стоить и вот когда это себя окупит». Никогда никому из них я не сказал «нет». И не скажу, потому что образование, повторюсь, если оно действительно образование, а не просиживание штанов и переписывание «Википедии», — это важно, нужно, классно и здорово. Стремление учиться, по моему, как раз то, что характерно именно для Человека и ни для кого более. Человеком образование не сделает, но арсенал навыков, социальную ценность и круг общения предопределит, а значит, остаться Человеком (не опуститься, не скатиться, не оскотиниться) поможет, и еще как.

Зарубежное юридическое образование сродни изучению иностранного языка. Опять напрашивается цитата: «Если человек знает еще один язык, он культурен вдвойне». То же и с правом для юриста. Тот, кто сможет посмотреть, скажем, на договор купли-продажи глазами не только российского, но и германского, и французского, и английского, и американского и прочего юриста, обязательно увидит такие аспекты проблемы, которых не увидят другие, это даст ему толчок к профессиональным размышлениям, а при необходимости — к изысканиям.

Да, не все зарубежное можно переносить на российскую почву непосредственно (и

наоборот), но при некоторой адаптации перенести (использовать) можно почти все. Ну а чем больше инструментов имеется в распоряжении любого специалиста (не обязательно юриста), тем лучше. Тут выигрывают все: и законодатели, которым иностранный опыт способен подсказать нормы, не просто готовые (сформулированные), но и апробированные (в известных, правда, условиях); и практики, которым иностранный опыт позволяет заметить такие юридически значимые черты и свойства («развилки») ситуаций, которые право домашнее заметить не позволяло; и ученые, которым иностранный опыт показывает направления для научных поисков, а заодно ставит еще и самый навык этих поисков (юридического мышления); и, разумеется, учащиеся (студенты), для которых знание иностранного законодательства или иностранной доктрины всегда позволяет сделать интересным свой ответ на семинаре или подсветить новыми оттенками дипломную работу. Наконец, знание иностранного права позволяет юристам всего мира говорить на одном — «юридическом» языке; да, как и всякий язык, он тоже требует «перевода», но, чем глубже знания, тем больше становится понятным и без перевода.

— Почему упало качество нашего образования?

— Качество нашего образования упало от того, что из образования так же, как и из права, однажды вынули вопрос его социальной ценности. На образование просто плюнули и разбежались кто куда: кто воровать, кто зарабатывать всеми мыслимыми и немыслимыми способами, в том числе (вот парадокс!) на образовании. Онлайн курсам типа «Богатый наставник», «Богатый педагог» ныне несть числа, стоит только в поисковике набрать. Стремление к заработку любой ценой постепенно вытеснило содержание образования, поскольку оказалось, что связывать заработок с содержанием — затея неблагодарная и даже опасная. В результате сегодня главное — не провести занятие, а своевременно и по форме отчитаться о его проведении, — только так теперь появляется основание требовать платы за оказанные услуги. О том, чтобы добиваться от студентов понимания или хотя бы знания, речи уже давно не идет. В то же время о каком понимании может идти речь на уровне студента, если все описанное имеет место сегодня на всех уровнях: от начальной школы (а

то и от детского сада) до Академии наук и Министерства образования. А как давать высшее образование тем, кто не имеет даже низшего?

Образование — это сфера, ответственность за которую действительно могло и должно было бы взять на себя государство. Не в том отношении, что все школы и университеты должны быть государственными, а в том, что в первую очередь государство должно показать пример — обнаружить свой интерес в воспроизводстве образованных людей. А оно его не обнаруживает, более того, обнаруживает ровно обратное! Не нужны образованные — нужны сытые, здоровые, довольные и преданные! Что ж, жизнь, здоровье, свобода, личная неприкосновенность, душевное равновесие, кров, тепло, сытость и одежда — это прекрасно, но много ли они стоят без образования? Сегодняшняя ситуация (кстати, не только российская, но и мировая — возьмите западных лидеров, регулярно делающих такие заявления, из которых становится очевидно их полное, беспросветное, дегенеративное невежество) — наглядный и лучший ответ на этот вопрос.

Откуда могли взяться те (откровенно асоциальные!) лозунги, которые сегодня во многих странах составляют чуть ли не национальную идею: «Мне все должны!», «Я никому ничего не должен!», «Да пошли вы все — мне никто не нужен!», «Глупым быть не стыдно!» и «Потому что!»? Как могло возродиться представление о том, что подъем экономики одного государства возможен только за счет нанесения ущерба экономике другого государства? О том, что государства могут диктовать частным лицам, что, кому и по каким ценам продавать или, наоборот, не продавать, пугая ответственностью за неисполнение этих указаний? О том, что вой на — это вполне себе обыденный способ разрешения любых конфликтов, а терроризм — приемлемый способ заработка и удовлетворения собственных медицинских комплексов? О том, что важно не что то сделать, а что то сказать? А все это происходит как раз из той разрухи, о которой говорил булгаковский профессор Филипп Филиппович Преображенский, — разрухи, которая «не в клозетах, а в головах», т. е. из отсутствия самых элементарных знаний и какого то воистину патологического нежелания их приобретать.

— Нужны ли юридические колледжи, и должно ли высшее юридическое образование быть элитарным, нацеленным не только на текущие кадровые запросы, но и на формирование личности?

— Образование должно быть разным. Нет никакого смысла в том, чтобы все были юристами; тем более элитарными. Соответственно, нужны и колледжи (с выпускниками, которых в СССР называли юристами сред-ней руки), и университеты, выпускники которых готовы делать юридическую науку, но при необходимости способны переквалифицироваться в кого угодно: от юриста-ремесленника до философа. В этом, а вовсе не в формировании или деформировании личности, состоит отличительная черта высшего образования. А что до личности, то ее надо формировать всегда и везде, начиная даже не с колледжа, а с пеленок. Чтобы это начало происходить, опять-таки было бы здорово, если бы показало пример (предъявило бы спрос на эти самые личности) государство — за ним неизбежно потянулись бы и «частники». Увы, пока ничего похожего не наблюдается, скорее наоборот: плевать, что бестолочь и невежда, зато предан, исполнительен, ни в чем не ослушается, не сдаст и не продаст, надо будет — и шайку в бане поднесет, не станет ерепениться, а коль потребуется — так и отсидит за начальника, отца родного. Ну а с тем, чтобы сказать на черное белое, а на белое черное, вообще не должно быть никаких трудностей. И вот на таких людей сегодня государства предъявляют спрос. Куда это годится? Как тягаться с ними даже профессионалам, не говоря уж о каких-то там личностях?

— Гарвард и Оксфорд — не только уровень образования, но и формирование связей и круга знакомств. Должны ли российские вузы участвовать в формировании нетворкинга своих студентов?

С первой частью вопроса (утвердительной) абсолютно согласен, а вот вторая (вопросительная), мне кажется, сформулирована не совсем корректно. Что значит, «должны» или «не должны»? Российские вузы либо делают это, то есть служат кузницей не только кадров, но и профессиональных контактов (знакомств), либо не делают. Не могу ответить за

все вузы, но про юридический факультет МГУ скажу абсолютно ответственно: делает. Да еще как делает! Было бы желание, и через факультет (его сотрудников, студентов и тех, кого факультет в разном качестве приглашает) можно выйти хоть на английского монарха, хоть на президента Соединенных Штатов. Теория пяти знакомств (рукопожатий) здесь работает в полный рост, без каких-либо оговорок и исключений. Я сам всегда говорю своим выпускникам: мир тесен в принципе, а мир юридический — вдвойне и втройне; если и не с каждым, то, по меньшей мере, с половиной из вас мы еще обязательно пересечемся, притом неоднократно и по самым неожиданным поводам.

Сокурсники, ученики, учителя — вот в большинстве случаев первое звено во внешний мир; оно всяким вузом, всяким университетом предоставляется неизбежно. А дальше — благодаря тому, что каждый из участников первого звена все больше обрывает разного рода знакомствами, связями и вообще контактами (по местам своей работы и обучения, по контрагентам и клиентам, участникам разного рода встреч, переговоров, конференций, форумов, судебных заседаний, лекций, семинаров, практических занятий, научного руководства и т. д.) — как раз и начинается большой и необъятный юридический мир. Так что от университетского нетворкинга никуда не денешься; бывает даже ловишь себя на мысли, что лучше он не был бы таким неизбежным и широким (всеохватывающим) или по крайней мере не сопровождал бы тебя всю жизнь в режиме 24/7, поскольку ты всегда оказываешься нужным в самый неожиданный момент по самому удивительному поводу. Но это, наверное, моя «фишка», обычно народ на обилие контактов не жалуется. Так что дополнительные мероприятия по их расширению, целенаправленно организуемые и проводимые университетами (научные конференции, недели работодателей, ярмарки вакансий, дни открытых дверей и пр.), конечно, не помешают.

— Что можно сделать в сфере юридического образования для более интенсивного развития науки права?

— Вопрос одновременно простой и сложный. Простой, потому что в общем-то на него достаточно ответить следующим образом: нужно сделать так, чтобы образование стало

образованием, а не его имитацией. Какой науки права можно ожидать от тех, кто не совсем уверенно читает, плоховато понимает прочитанное (потому что и читает неуверенно, и значения многих слов не знает, и абстрактно мыслить не может) и совсем не умеет связно излагать свои мысли на письме по русски (не по испански, и даже не по английски)! Им бы в третьем четвертом классе еще поучиться, а не науку права развивать. Это с одной стороны. А с другой — вопрос этот очень сложный, поскольку предполагает хотя бы минимальные наброски по поводу того, что нужно сделать, чтобы изменить текущую ситуацию. Полной программы здесь ни я, ни кто либо другой не предложит. Скажу только о том, что нужно сделать обязательно и минимально, без чего ситуация совершенно точно не поменяется.

Во первых, подлежит кардинальному сокращению общее число студентов юридических вузов и факультетов. И дело тут даже не в том, что не может существовать общество, состоящее из одних только юристов, а в том, что с курсами в сотни и тысячи человек попросту некому и некогда работать. Возьмем юридический факультет МГУ. На нем 16 профильных (юридических) кафедр, на которых работает (для ровного счета) 230 преподавателей. Много это или мало? Посмотрим, сколько народу учится. Четыре курса бакалавров, от 400 до 600 человек на курсе; в среднем — 2 тыс. человек. Два курса магистров по одной-двум программам на одной кафедре, по 20–30 человек на программе — около 1,5 тыс. человек. Три (или четыре, в зависимости от очной или заочной формы обучения) курса аспирантов и соискателей, в среднем по 10 человек на курсе в расчете на одну кафедру — еще порядка 640 человек. Всего выходит 4 тыс. 140 человек на 230 преподавателей, то есть по 18 человек на одного преподавателя в течение года.

И это при условии, что распределение учащихся по кафедрам и преподавателям равномерно, чего в действительности никогда не бывает. Есть преподаватели, условно говоря, любимые (к которым у дверей кафедр стоят очереди и которые могут позволить себе проводить даже нечто вроде конкурса на право учиться у них), и есть нелюбимые, с которыми особо никто не горит желанием общаться. Значит, у любимых преподавателей

будет уже не по 18, а по 20–25 студентов.

Не все преподаватели могут работать с любой категорией учащихся: например, ассистентам (а кое где и доцентам) не позволено работать с аспирантами. А теперь поставьте себя на место преподавателя хотя бы даже с 20 учащимися разных направлений и разных курсов и ответьте, когда ему растить из этих студентов будущих ученых? А растить их нужно непременно — ученые самоучки сегодня, ох, как редки! Пусть не из всех 20 (не всем же быть непременно учеными!), пусть только из пяти — тем не менее! Юристов то уж во всяком случае нужно вырастить из всех 20! А ведь у преподавателя есть и другие виды педагогической нагрузки, которых с него (за то, что он растит будущих ученых) никто не снимает; к тому же он хотя бы время от времени должен подавать пример — заниматься наукой, сам.

Наконец, материальная сторона работы в современных российских вузах такова, что преподавателю нужно еще и зарабатывать на жизнь — не в вузе, а на стороне! Желательно также, чтобы у него оставалось хоть какое то время на дом, семью, сон, отдых, хобби — как ни крути, а большинство наших преподавателей люди в том или ином смысле творческие. И это мы еще совсем не упомянули работу административную, бюрократическую, которой преподаватели в последние годы завалены по самую макушку. То есть, прежде чем обсуждать содержательную сторону вопроса, нужно решить куда более приземленные вопросы — со временем (которого в сутках всего 24 часа, из них рабочего втрое меньше) и с чисто физическими силами. Если их не решить, то и самый добросовестный преподаватель, движимый самым искренним желанием развивать науку, отправится на кладбище прежде, чем успеет подготовить десяток ученых. Представить себе решение этой проблемы за счет увеличения преподавательского ресурса я не могу. Остается единственный вариант — уменьшение числа учащихся.

Дело, как видите, не в элитарности, а в чистой математике. Можно как угодно к этому относиться и как угодно это называть, но без сокращения числа учащихся по крайней мере вдвое против нынешнего (до 10 учащихся всех форм обучения на одного преподавателя)

никакой науки у нас не состоится.

Во вторых, нужно принципиально изменить отношение к материальному обеспечению преподавателей. Я специально говорю «к материальному обеспечению», а не «к оплате труда», не «к зарплате» и даже не «к вознаграждению», то есть о том, что в дореволюционное время называлось денежным содержанием или жалованием. Критерий предельно прост: размер денежного содержания должен быть таким, чтобы у преподавателя не болела голова по поводу того, где взять пять тысяч, чтобы купить сыну ботинки, чтобы все свое рабочее время он мог и хотел проводить на факультете, занимаясь подготовкой юристов — ученых и практиков, не поглядывая при этом «налево» и даже не думая о том, что можно подработать еще где-то на стороне. Конечно, для преподавателей разных вузов (и вообще разных преподавателей) размер этого содержания должен дифференцироваться, притом в зависимости не только от числа часов (занятий) и студентов, которых он ведет, но и от качества даваемых им знаний и вообще от обеспечиваемого им уровня подготовки. Да, оценка того и другого — дело непростое, но осуществимое. Не обязательно, чтобы источником этого содержания был только государственный бюджет — им уже давным-давно являются сами студенты (точнее, их родители), а за рубежом — еще и разного рода фонды и меценаты с их грантами.

Я уже очень давно не слышал ни об одном юридическом вузе или факультете, который не готовил бы студентов на платной (коммерческой) основе, то есть за деньги. Но вот куда идут эти деньги? Куда угодно, но только не преподавателям; преподаватели — последние из тех, кого эти деньги достигают. Можно зайти на сайт любого юридического вуза и посмотреть, сколько там есть разных структурных подразделений, не имеющих никакого отношения к обучению, и какова штатная численность таких подразделений — она вдвое, а то и втрое превышает численность профессорско-преподавательского состава. Как говорится, один с сошкой — семеро с ложкой. То есть помимо учащихся преподавательскими трудами кормится прорва ртов, в большинстве своем принадлежащих бездельникам, их ближайшим родственникам, друзьям и знакомым. И ладно бы эта прорва делала что-то полезное, так нет:

ничего, кроме проблем, она не создает. Снимите с преподавателей эту прорву — и то, что сейчас стыдливо называется даже не зарплатой, а окладом согласно такому то пункту бюджетной тарифной сетки, вполне можно будет превратить в жалование.

В третьих, необходимо принципиально изменить подход к аспирантуре (а также к адъюнктуре, и, где она есть, к докторантуре). Аспирантуру признали очередной ступенью высшего профессионального образования; в аспирантуре теперь учатся ровно так же, как на первом курсе: посещают занятия по языку, философии, специальности и т. д. Слава богу, хоть физкультуры нет. Тот, кто это придумал — или вредитель, или дебил. Я уж и не знаю, можно ли было совершить большую ошибку. Выражения «поступить в аспирантуру», «учиться в аспирантуре», «окончить аспирантуру» и прочие подобные — не более чем фигуры речи. Ведь кто такие аспиранты (по своей первоначальной задумке)? Лица, обнаружившие склонность к занятиям наукой и доказавшие свою способность ею заниматься. Таковых в студенческие годы примечали разного рода старики Державины, и, как говорили до революции, оставляли при кафедре (или на кафедре) для приготовления к профессорскому званию. Говоря современными словами, аспирант — это не очередной школяр, а ученый, пусть молодой еще, не вполне сложившийся, но именно ученый! Взрослый человек, специально пришедший в науку, сделавший сознательный выбор, сообразно своим склонностям и способностям, ради служения этой самой науке. От него не надо требовать подготовки не менее 25% текста диссертации в течение первого года обучения; его не надо заставлять по пятому шестому разу слушать лекции по истории и философии и спрягать английские глаголы. Ему надо дать возможность реализовывать свои склонности и способности к науке, то есть заниматься ею под руководством опытного наставника. Ученым вполне сложившимся подобная научная теплица не нужна (хотя и среди них встречаются те, кто ею не брезгует, — отсюда то и берутся докторантуры), а молодым, только только ступающим на научный путь, абсолютно необходима. Где же эта теплица теперь? Взамен нее — ворох бумаг, отчетов, аттестаций и огромное количество времени, потраченного ни на что. Дошло до того, что теперь, даже если ты так ничего и не написал, не защитил, тебе выдают... диплом об окончании аспирантуры (он, якобы, дает право преподавать). Это ж

надо додуматься!

В четвертых, в пятых и в шестых скажу коротко: аспирантура — кем бы она ни финансировалась, кроме самого аспиранта, должна ориентироваться на научный результат и финансироваться на строго возвратной основе (защитил своевременно диссертацию, обогатившую науку — честь тебе и хвала, не защитил — возвращай все деньги, которые государство истратило на твою аспирантуру, из своего кармана); все ученые степени и звания должны присуждаться исключительно вузами и факультетами, а не государством (только тогда их функции ограничатся оценкой научных заслуг и не будут ассоциироваться с разного рода государственными знаками отличия и награждения). Существующая (уже, бог знает, сколько времени) номенклатура научных специальностей ВАК должна быть отменена и более никогда не утверждаться (ибо создается она во имя удобства контроля за диссертационными советами, то есть исходя из соображений, не имеющих никакого отношения к науке). Вообще следует помнить, что систематизация наук — явление объективное, зависящее только от степени их развития, но, уж конечно, не от того, показалось ли чиновничеству удобным иметь много, но маленьких или мало, но больших диссертационных советов.

Чем выше уровень развития науки, чем глубже она проникает в предмет познания, тем более дифференцированной должна быть система наук и более дробными (мелкими) должны быть ее элементы. Ничего глупее современных формулировок типа «кандидат (доктор) юридических наук» быть не может. Нет ни одного кандидата / доктора, который в равной степени успешно разобрался бы в каждой отрасли юридических наук. Кто защищается по праву гражданскому, тот по уголовному праву или, скажем, по истории права порою такие «пули отливает», что только диву даешься, и наоборот. Да и в гражданском праве многие не знают ничего сверх темы, по которой защищались. Стало быть, даже формулировка «кандидат / доктор гражданского права» может быть неточной; куда уж до «всех юридических наук»! Само представление о защите диссертации по сей день средневековое и тоже, конечно же, должно измениться. Защита должна быть защитой (а не

мистерией защиты, как говаривал Борис Иванович Пугинский) и проходить перед научной общественностью; разного же рода кафедральные заключения и обсуждения, предзащиты, диссертационные советы (тем паче, постоянно действующие с такими одиозными фигурами, как председатель и секретарь) и, уж конечно, официальные оппоненты и ведущие организации должны быть «сданы в архив» и забыты как страшный сон. Состав участников защиты должен определяться их интересом и квалификацией, а не членством в каком бы то ни было совете. Это уже в седьмых, получается.

Вот для начала реализовать бы эти семь пунктов, а дальше видно будет...

— Какие предметы должны быть сегодня в программе обучения студента юрфака?

— Возвращаемся к тому, с чего начали. А начали мы с того, что юридическую профессию пока не нужно реформировать — дай то бог ей когда нибудь свой уже имеющийся потенциал задействовать. И тут я скажу примерно то же самое: добиться хотя бы того, чтобы предметы, заполняющие существующие программы, преподавались содержательно и качественно — уже было бы очень неплохо.

Главная проблема теперешнего преподавания права — отсутствие содержания.

Многие юридические дисциплины сегодня читаются так, что, как внимательно ни слушай, в голове ничего не оседает. Точно так же и учебники по ним написаны: читай не читай, все какая то словесная белиберда, пустая говорильня, «взгляд и нечто». Как тут чему то осесть в голове, если оседать попросту нечему?

Приведу в пример один диалог. Подходит ко мне студент, говорит:

— Вадим Анатольевич, на работе требуют обосновать законами и практикой позицию, которая представляется мне откровенно незаконной. Выполнять мне такое распоряжение или нет?

— Для ответа на этот вопрос вам надо вспомнить курс юридической этики. Читали вам ее? —

Читали, конечно, но... к подобному вопросу мы даже и близко не подходили.

— Обсуждали ли вы, может ли адвокат по своей инициативе звонить потенциальному клиенту, предлагая свои услуги, или могут ли следователи или оперативные работники обманывать задержанных с целью получения от них желательных показаний? допустимо ли юристу консультировать (пусть даже не одновременно — последовательно) лиц, чьи интересы исключают друг друга (например, истца и ответчика, начальника и подчиненного, проверяющего и проверяемого, конкурентов, две разные стороны одного и того же договора, разводящихся супругов и т. п.)?

— Нет, не обсуждали.

— Допустимо ли юристу лгать или даже просто что-то не договаривать, скрывать от клиента что-нибудь неудобное?

— И это тоже не обсуждали.

— Если студент-юрист пожалуется одному преподавателю на курс другого преподавателя, а последний потом расскажет об этом в интервью или напишет в статье (и тем самым испортит имидж первого и факультета в целом) — соответствует ли это юридической этике?

— Не знаю, мы это не обсуждали.

— Ну а вопрос о том, какую рекомендацию должен дать юрист в следующей ситуации: затопить шахту, зная, что заблокированные в ней шахтеры еще могут быть живы, или продолжить спасательные работы, рискуя образованием карстового провала под городом?

— И об этом речи не было.

— А о чем же была?

— Да вот, как-то... непонятно, о чем. Что-то было о происхождении слова «этика», о том, что

судьи не могут обсуждать свои решения, что они не могут пиариться и пить на камеру (хотя бы и на отдыхе, на пикнике). Еще говорили об обязанности нотариусов уважать свое министерство, об адвокатской тайне и... пожалуй, все.

Вот такого, конечно, не должно быть! Курс по любой дисциплине должен быть прочитан так, чтобы студент с его помощью мог ответить и на все собственно юридические, а также этические, нравственные и где то даже философские вопросы.

Я обязательно добавил бы (прямо в начале обучения) курс о том, как нужно учиться на юридическом факультете, как постигать юриспруденцию. По идее, этим вопросам должен уделять внимание курс «Введение в юридическую специальность», но он этого не делает. У тех немногих, кто пришел на юридический факультет сознательно, он даже вызывает недоумение: зачем это мне, я если я уже знаю (передумал, пережил) на порядок больше, чем мне дает этот курс? Уж лучше совсем его не читать (как, кстати, и было прежде), заменив его семестровым рассказом о том, что подстерегает студентов юристов в процессе обучения и как с этим бороться.

Во первых, им будут читать лекции: для чего они нужны, как к ним относиться, обязательно ли на них ходить, что выслушивать, что записывать, нужно ли предварительно готовиться к будущей лекции, нужно ли ее как то прорабатывать после прослушивания, опять же, как и для чего?

Во вторых, студентам придется посещать семинары и практические занятия: в чем разница между ними и смысл тех и других, чего ждут преподаватели от их ответов на семинарах, от их рефератов и докладов, что такое казусы и как их решать, как пользоваться рабочими тетрадями, как составлять учебные юридические документы (уставы, договоры, судебные акты, экспертные заключения и пр.), как вести себя в игровых процессах и прочих деловых юридических играх?

В третьих, студентам выдадут учебники и некоторые другие пособия (практикумы, сборники

нормативных актов, судебных решений и пр.): как ими пользоваться, достаточно ли просто прочесть, сколько раз и когда? Если недоста- точно, то что еще нужно, кроме как прочесть, нужно ли что то выписывать (конспектировать) и, если да, то как, что вообще представляет собой конспект, и для чего он нужен?

В четвертых, студентам придется посещать библиотеку и читать научные сочинения: о какой библиотеке идет речь, на что студент может рассчитывать в этой библиотеке (не более пяти изданий в день с сорокаминутным ожиданием заказа, на ксерокопирование, сканирование, доступ к электронным изданиям и пр.), сколь обширны фонды библиотеки, какие сочинения являются научными, как их отличить от псевдонаучной ереси, что вычитывать в научных сочинениях, что в них подчеркивать, что и зачем из них выписывать и т. д.?

В пятых, студентам придется писать курсовые, а впоследствии выпускные (дипломные и магистерские) работы: что это такое, зачем они пишутся, каким требованиям (по содержанию и оформлению) должны соответствовать, на основе каких источников писаться, что такое юридическая библиография, как и для чего ее собирать, как ею пользоваться, как оформлять библиографические ссылки и списки?

В шестых, чтобы какое то количество студентов могло найти себя в юридической науке, нужно объяснить, что это вообще такое — юридическая наука, как и для чего ею следует заниматься? И так далее. Одним словом, учиться тоже надо уметь. Где взять на это время? Из тех курсов, которые из учебного плана можно смело выбросить. Особенно много их на первом году обучения. Курс «Введение в специальность», например, в существующем виде не только не нужен, но и вреден.

Было бы здорово, если бы в каждом юридическом вузе, тем более на юридическом факультете университета, была бы какая то своя «фишечка», «изюминка», а по возможности, и не одна — этакая визитная карточка именно этого вуза или факультета. Сейчас таковой считаются (хотя на самом деле не всегда являются) так называемые научные школы, но с учетом того, что даже просто наличествуют они не везде (не говоря уже о том, что там, где

наличествуют, по сути мало отличаются), было бы неплохо, если бы и состав преподаваемых дисциплин тоже не вполне совпадал. Какой то костяк, для всех единый, конечно, тоже должен быть, но должно быть и нечто сверх него — то, что можно постичь только в этом конкретном институте или на этом конкретном факультете, и более нигде. Кстати, такая «фишечка» есть на нашем факультете — это раздвоение во многом совпадающей дисциплины (правового регулирования экономической деятельности) по кафедрам предпринимательского и коммерческого права. К сожалению, сейчас эта «фишечка» совершенно не используется (многими даже не замечается), а между тем ее развитие и эксплуатация могли бы дать очень интересные результаты.

Чрезвычайно полезно научить студентов юристов общаться и взаимодействовать с представителями смежных специальностей. Конечная цель — составить у них представление о существе и методологии смежных наук, дабы расширить кругозор, позволить замечать не только юридические, но и другие стороны одной и той же ситуации, говорить с коллегами, что называется, на одном языке и не делать откровенных глупостей, забираясь в смежные с правом сферы.

Самый известный и понятный пример — взгляды юристов и экономистов, а также коммерсантов, финансистов, бухгалтеров, аудиторов, инвестиционных консультантов и т. п. Порою кажется, что нет более безграмотных в правовом отношении людей, чем экономисты, и в то же время лиц, менее разбирающихся в экономике, чем юристы. Другие примеры не менее красноречивы: у историков, к примеру, философов, филологов, социологов, статистиков, психологов порою глаза на лоб лезут от того, что они читают в юридических сочинениях по историческим, философским, филологическим, социологическим, статистическим и психологическим аспектам права. Такого, конечно, быть не должно. Прежде, чем писать об экономическом анализе права, было бы неплохо понять, что вообще такое экономика; прежде, чем писать историю того или иного юридического института, следует выяснить, что вообще такое история, зачем она нужна, как работают и мыслят историки; прежде, чем вдаваться в рассуждения о философском понятии свободы, нужно узнать, что за

науку представляет собой философия, и т. д. Даже происхождение слова «этика» юристам не нужно бы обсуждать, не заручившись хотя бы минимальным представлением об этимологии как науке. Одним словом, было бы совершенно нелишним организовать (по крайней мере, на уровне студентов) междисциплинарное взаимодействие юриспруденции со смежными науками — теми, чьими достижениями юриспруденция так часто пользуется.

— Чем среднее образование в юридических колледжах должно отличаться от высшего?

— На мой взгляд, среднее образование должно обязательно соединяться с работой — иначе какое же оно среднее? Нечто узнал — пошел «в поле», отработал, освоил, закрепил узнанное, приобрел определенный навык — добро пожаловать обратно в аудиторию, за новым знанием базой следующего навыка. Раньше были УПК — учебно производственные комбинаты, заведения на базе какого нибудь завода, колхоза, МТС, лаборатории, конструкторского бюро, вычислительного центра или чего то подобного, где первые полдня сидели за партой, осваивая теорию, а следующие полдня оттачивали только что освоенную теорию на практике, приобретая навык стоять за станком, пахать, ремонтировать автомобиль, вычерчивать деталь, писать программу и т. д.

В вузах практика тоже должна быть, но не такая интенсивная, ибо задача их (как я уже говорил) — воспитать не ремесленника, а того, кто на базе имеющихся у него теоретических знаний мог бы при необходимости в самый короткий срок заменить любого ремесленника. Там, мне кажется, вполне достаточно практики в ежегодном (может быть, в семестровом) формате, но именно практики, а не бумаг о ней.

— Должен ли рынок (работодатель) влиять на формирование программы обучения?

— С учетом того, что в финансировании нашего учебного процесса все еще значительную роль играет государство, было бы весьма полезно вернуться к такому «советскому» институту, как распределение. «Кто девушку ужинает, тот ее и танцует», верно ведь? Значит,

для тех, кто учится за чужой счет — для казеннокоштных студентов (бюджетников) и так называемых целевиков — распределение должно быть обязательным; для своекоштных — добровольным (хочешь — пользуйся, не хочешь — валяй на вольные хлеба); для тех, кто проучился и так и этак (первые два курса за свой счет, а два последних — за казенный) — тоже обязательное, но на более короткий срок или на такой же, как у всех, но с какими то иными ограничениями (например, по месту жительства и т. д.). Или, как вариант, без распределения, но с возвратом (в течение одного года — трех лет) потраченных на тебя денег. Должна быть ответственность за все, что ты делаешь, в том числе за то, как учишься. На принципе «я никому ничего не должен» (даже самому себе, даже тем, кто меня «ужинает») мы далеко не уедем. Как то так.

Вадим Белов доктор юридических наук, профессор кафедры коммерческого права МГУ им. М.В. Ломоносова

ИНТЕРВЬЮ

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ